

Лу Минь внезапно обнаружил, что его ноги оторвались от земли. В панике он резко дёрнулся, наконец освободившись от деревянного ложа, и с грохотом упал на пол. Реакция у него была неплохая: перекатившись на месте, он медленно поднялся на ноги.

Спина горела огнём, но лицо было ещё горячее. Лицо второго принца побагровело, когда он возмущённо произнёс:

— Комната за пять лянов серебра, а кровать такая маленькая и низкая? Даже человек не поместится!

Мэн Ци с улыбкой спросил:

— Ложе можно использовать как для сидения, так и для лежания, но я ещё не слышал, чтобы оно было предназначено для того, чтобы в него влезать.

— ...

Второй принц запнулся, раздражённо вышел и зажёл масляную лампу.

Поскольку ничего не было видно, ему пришлось нащупывать стену.

Когда лампа загорелась, Лу Минь наконец вздохнул с облегчением и, держа лампу в руках, вернулся в комнату.

— Что происходит снаружи? — Второй принц внимательно прислушивался к шуму за пределами комнаты, но звуки были неразборчивыми, удавалось уловить лишь отдельные слова, которые никак не складывались в предложения.

Мэн Ци сидел на ступеньке кровати, удобно облокотившись на её край. Хотя это было неприлично и не соответствовало его статусу, его движения излучали особую непринуждённость и свободу.

— Это те знатные юноши, которые застряли в Квартале Пионов, — беззаботно произнёс Мэн Ци.

Они и так считали себя выше других, вели себя нагло и самоуверенно, и если бы не такое серьёзное дело, как «мятеж и измена», они бы ни за что не остались в Квартале Пионов на три дня.

Теперь, когда бдительность Императорской гвардии ослабла, а обыски закончились, знатные юноши начали проявлять беспокойство.

Они беспокоились о своих влиятельных родственниках, хотели знать, что случилось с их

семьями во время этого мятежа. Их гнев на Императорскую гвардию был своего рода проверкой: если бы гвардейцы вели себя жёстко и не проявляли уважения, они бы быстро замолчали.

Когда они с гордостью называли свои имена, отношение гвардии было ответом.

— Если бы их семьи пали, Императорская гвардия не стала бы считаться с их статусом.

Теперь, узнав, что их семьи, вероятно, в порядке или вовсе не участвовали в этом мятеже, они обрели уверенность и начали шуметь.

В театрах и борделях Квартала Пионов были подвалы.

Чай, рис, мука и вино были в изобилии, но овощи и фрукты стали проблемой.

После трёх дней чаепитий и поедания пирожных, когда сводница подала на стол капусту, это стало последней каплей. Знатные юноши начали возмущаться, а богатые молодые люди поддержали их.

Именно это Мэн Ци имел в виду, говоря, что комендантский час в столице не может продолжаться вечно.

Особенно учитывая, что император Лу Чжан был тяжело ранен, и власть временно перешла в руки нескольких высокопоставленных чиновников из Павильона Вэньюань.

У этих чиновников были семьи и подчинённые, и теперь все они были заперты в своих домах, вынужденные жить на запасах продовольствия. Три-пять дней ещё можно было выдержать, но десять дней или полмесяца — уже нет.

Мэн Ци также проявил дальновидность, намеренно не «угрожая» этим чиновникам.

У охранников и слуг Дворца Вечной Радости на шеях были следы, а у нескольких высокопоставленных чиновников из Павильона Вэньюань, лежавших без сознания в боковом зале, их не было.

Этот стиль действий, когда кто-то появляется и исчезает, не убивая императора, а только избивая его, уже заставил чиновников задуматься, действительно ли это была попытка государственного переворота.

Они пока не могли разобраться в дворцовых интригах, но два министра уже начали понимать, что, по крайней мере, это дело было направлено против императора, и что противник не хотел трона. Таким образом, чиновники не были в опасности.

Ради безопасности императора запирают весь город в домах — ни один чиновник не был бы рад этому.

Более того, при дворе династии Ци практически не было тех, кто был бы предан монарху и стране. Они действовали ради славы и выгоды, возможно, среди них было несколько тех, кто действительно заботился о народе, но, узнав о происходящем, все они выступили бы против продолжения комендантского часа в столице.

— Разве можно поймать таких мастеров боевых искусств?

Когда Мэн Ци беззаботно изложил все эти обстоятельства и заявил, что события будут развиваться так, как он предсказал, Мо Ли задумался, а Лу Минь загорелся энтузиазмом.

— Старший брат действительно не ошибся в тебе, — взволнованно сказал Лу Минь.

Разве можно просто так отдать трон? Должно быть, этот бывший государственный наставник обладал чем-то особенным, что покорило наследного принца.

Второй принц, погружившись в свои размышления, не удержался и спросил:

— Государственный наставник Мэн, ты правда не хочешь стать императором? Я думаю, ты бы отлично подошёл.

Мэн Ци:

— ...

Мо Ли:

— ...

Даже Драконья жила не видела, чтобы так раздавали империю.

Смотрите, это не просто мешок риса, а целая империя, и её не просто отдают, а настойчиво предлагают, боясь, что кто-то откажется. Старший брат отдал, младший брат отдаёт, и неизвестно, будут ли остальные братья тоже настаивать на этом.

И что вообще второй принц понимает под словом «император»? Разве умение всё просчитать делает тебя императором?

Мо Ли не удержался и спросил, на что Лу Минь уверенно ответил:

— Говорят, что искусство управления государством заключается в том, чтобы балансировать на троне, сочетать милость и строгость, манипулировать чиновниками, заставляя их с радостью служить стране.

Услышав это, Мо Ли опустил глаза и слегка кашлянул.

Мэн Ци же слегка улыбнулся, будто собираясь пошутить, но затем, казалось, что-то вспомнил.

— Я... Я сказал что-то не так? — Лу Минь почувствовал внезапный озноб и осторожно спросил.

Мо Ли помолчал, а затем спросил:

— Если бы ты был тем чиновником, которым манипулируют, что бы ты думал?

— Тогда всё зависит от того, насколько справедлив император. Если он ведёт себя неподобающе, проявляет жестокость и не следует закону, я бы возмутился и постарался бы противостоять императору. Во все времена императоры, владеющие искусством управления, манипулировали чиновниками, а умные чиновники подставляли императоров. Всё зависело от того, кто был умнее.

Второй принц, дойдя до этого места, сник, очевидно понимая, что он не был тем, кто мог бы быть умнее.

Поэтому он не сожалел, что не сможет стать императором, он просто не хотел, чтобы третий или шестой брат заняли трон.

Мэн Ци, глядя на второго принца, медленно сказал:

— Борьба за власть при дворе — обычное дело. Противостояние между императорской властью и властью министров, а также борьба между чиновниками — это никогда не прекратится. Если ты хочешь стать императором, тебе нужно научиться управлять людьми, научиться обращаться с чиновниками, то есть овладеть искусством управления. Однако то, что императоры прошлых династий называли искусством управления, в основном было вредным как для страны, так и для них самих. Как и борьба за власть при дворе, они всегда ставили на первое место себя, а не народ или страну. Это «себя» касалось не вопросов жизни и смерти, семьи и друзей, а их собственных желаний, идей и интересов, которые нельзя было нарушить. Поэтому император, обладающий самодисциплиной, и чиновники, имеющие принципы, могли создать процветающую эпоху, но как только люди менялись или их идеи менялись, всё выходило из-под контроля. Это то, что я понял за десятилетия жизни в мире, и сегодня я рассказываю это тебе, чтобы ты задумался.

Лу Минь выглядел растерянным.

Хотя он не понял, он изо всех сил старался выглядеть восхищённым.

— Государственный наставник Мэн, ты, как и мой старший брат, знаешь так много.

— ...

Неужели нельзя произнести ни одного предложения, не упомянув наследного принца?

Что такого натворил наследный принц, что у него такой отец и такая компания недалёких братьев?

Мо Ли потер виски, он даже почувствовал головную боль.

Второй принц, хотя и не понял, был очень любопытным. Он почтительно поклонился, приняв смиренную позу, и серьёзно спросил:

— Тогда, по мнению государственного наставника, как можно стать хорошим императором, хорошим министром? А если не получится, можно ли просто пойти и поколотить их?

Лу Минь искренне так думал: если он не мог справиться умом, он мог справиться кулаками!

Мэн Ци вдруг замер, уставившись на Лу Миня.

На самом деле кулаки Драконьей жилы были ещё сильнее.

— ...Я слышал, что в древние времена три императора и пять правителей передавали трон через отречение. Если можно было передать трон мудрому человеку, то, возможно, если он плохо правил, его можно было прогнать!

Мо Ли и Мэн Ци одновременно замолчали.

Второй принц действительно плохо учился, потому что на самом деле три императора и пять правителей не были «императорами», они не были монархами, а просто «вождями племён». В то время в Китае жило множество племён, и чтобы выжить, они должны были поддерживать друг друга и иметь общего лидера, который бы разрешал споры между племенами, распределял скудные ресурсы и помогал избегать бедствий. Поэтому вождей племён выбирали, и обычно это были люди с большим авторитетом или те, кто был умным и справедливым.

<http://bllate.org/book/15299/1351985>